

Научная статья

УДК 398.8; 811.511.152.2

DOI 10.17223/18137083/80/14

**Мокшанский песенный фольклор Красноярского края
и Республики Хакасия (к вопросу о соотношении автохтонных
и переселенческих фольклорных традиций)**

Павел Сергеевич Шахов¹

Игорь Васильевич Zubov²

Наталья Владимировна Леонова³

^{1,2} Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
Саранск, Россия

³ Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

² komoro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>

³ nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

Аннотация

На основе архивных материалов 2009, 2012 гг. осуществлено описание мокшанского песенного фольклора Красноярского края и Республики Хакасия в контексте автохтонных региональных традиций. Анализ устных источников позволил выявить места выхода сибирских переселенцев, определивших этнолокальный состав исследуемого ареала. Проведено сравнение сибирских и поволжских вариантов фольклорных текстов на сюжетно-тематическом и частично музыкально-стилевым уровнях с привлечением современных полевых материалов и опубликованных источников по автохтонным традициям.

Ключевые слова

автохтонные и переселенческие фольклорные традиции, фольклор народов Поволжья, мокшанский песенный фольклор, Сибирь

Благодарности.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (№ 19-78-10113)

Для цитирования

Шахов П. С., Zubov И. В., Леонова Н. В. Мокшанский песенный фольклор Красноярского края и Республики Хакасия (к вопросу о соотношении автохтонных и переселенческих фольклорных традиций) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 166–182. DOI 10.17223/18137083/80/14

© Шахов П. С., Zubov И. В., Леонова Н. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 166–182

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 166–182

Moksha song folklore of the Krasnoyarsk Krai and the Republic of Khakassia (on the relationship between autochthonous and migratory folklore traditions)

**Pavel S. Shakhov¹, Igor V. Zubov²
Natalya V. Leonova³**

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Research Institute of the Humanities
Saransk, Russian Federation

³ M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory
Novosibirsk, Russian Federation

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

² komoro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>

³ nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

Abstract

This paper presents the Mokshan song folklore of Krasnoyarsk Krai and the Republic of Khakassia in terms of autochthonous regional traditions. The analysis of the archive materials, oral data recorded in 2009 and 2012, allowed identifying the places of origin of Siberian migrants: villages of the Yelnikovsky, Krasnoslobodsky, Kovylninsky, and Zubovo-Polyansky districts of the Republic of Mordovia. Also, the ethnic-local composition of the studied area was determined. Siberia and the Volga region variations of the folklore texts were compared on the thematic and (partially) musical-stylistic levels by studying modern field materials and published autochthonous sources. The materials were organized by genre: carols, round-dance songs, lyrical songs, author songs, fairy-tale prose with insert songs. A comparative analysis of materials from Siberia and the Volga region has shown the similarity between autochthonous and migratory traditions in various genres. For example, the autochthonous Zubovo-Polyansky District and migratory Siberian traditions are united by their genre of carols, as well as late folklore traditions; the original Kovylninsky District tradition and the migratory tradition have similar round-dance songs. The polylocality of the migratory Siberian community is reflected in their song tradition, with round-dance and lyrical songs playing an important role. These songs are also popular in the Republic of Mordovia in various Moksha Mordvin groups. The Siberian variations of some Moksha lyrics compared to the autochthonous variations have been found to be represented by specific elements of plot composition with strong exposition, indicating a decline in migratory traditions and processes typical for all oral song cultures.

Keywords

autochthonous and migratory folklore traditions, Volga Region folklore, Moksha song folklore, Siberia

Acknowledgments

This work was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation "Folklore of autochthonous and migrant traditions of the Volga region peoples in modern records and historical dynamics: interactive Atlas of the sounding of the texts" (no. 19-78-10113)

For citation

Shakhov P. S., Zubov I. V., Leonova N. V. Moksha song folklore of the Krasnoyarsk Krai and the Republic of Khakassia (on the relationship between autochthonous and migratory folklore traditions). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 166–182. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/14

Региональная природа фольклора определяет повышенное внимание исследователей к проблеме комплексного описания и изучения локальных фольклорных традиций. При этом, как указывает Б. Н. Путилов, «фольклорную культуру региона, зоны, очага можно понять лишь на фоне культуры других регионов, зон, очагов, и задача исследователя – найти релевантный материал для сравнительного анализа и избрать эффективную методику сравнения» [1994, с. 147–148].

При изучении переселенческой культуры релевантным материалом для сравнительного анализа является исходная, автохтонная традиция, причем в локальных ее проявлениях. Подобные сопоставительные исследования необходимы для определения историко-типологической преемственности в развитии локально-региональных традиций музыкально-песенного фольклора, а также для описания процессов, протекающих на естественной территории и в переселенческих анклавах [Лапин, 2017, с. 63]. С использованием методов отечественной фольклористики, в том числе выработанных в рамках изучения фольклора сибирских переселенцев [Леонова, 1999; 2001], в настоящей статье проводится сравнительное исследование мокшанского песенного фольклора сибирского бытования в контексте автохтонных локальных традиций.

Источниковой базой для работы послужили материалы музыкально-этнографических экспедиций Архива традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (АТМ НГК), зафиксированные в 2009¹ и 2012² гг. в южных районах Красноярского края и соседнем районе Республики Хакасия, а также архивные аудиоматериалы Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) и современные записи, сделанные в ходе полевых исследований 2020 г. в автохтонных районах выхода сибирских переселенцев.

Во время полевых исследований была проведена работа с 66 носителями традиций из 13 населенных пунктов, относящихся к трем южным районам Красноярского края и приграничному району Республики Хакасия. В коллекции содержатся фонограммы 39 образцов мокшанского фольклора, включая песенные варианты, а также многочисленные песни на русском языке, частушки на русском и мокшанском языках, инструментальные наигрыши и фольклоризованные православные песнопения (краткое описание коллекции 2009 г. см. [Леонова, Шахов, 2010]).

На основе собранных полевых материалов составлена таблица, в которой отображена информация о формировании переселенческих очагов мордвы-мокши в исследуемом ареале с указанием районов выхода сибирских переселенцев. Данные сведения обобщают конкретные устные источники и демонстрируют харак-

¹ АТМ НГК, коллекция А0243 (2009 г.). Красноярский край: Минусинский район (с. Большая Ничка, с. Жерлык, с. Верхняя Коя), Каратузский район (с. Алексеевка, сс. Верхний и Нижний Кужебар); участники экспедиции: Н. В. Леонова (рук.), П. С. Шахов.

² АТМ НГК, коллекция А0253 (2012 г.). Республика Хакасия: Алтайский район (с. Подсинее, с. Краснополье, с. Изыхские копи); участники экспедиции: П. С. Шахов (рук.), М. А. Овчарова, Е. В. Леонтьев. Красноярский край: Идринский район (с. Новоберезовка, с. Большой Телек, с. Идринское, с. Большая Салба); участники экспедиции: П. С. Шахов, Е. В. Леонтьев, В. Н. Зайцева.

тер формирования переселенческих групп, состоящих из представителей разных поволжских традиций³.

Автохтонные районы выхода мордвы-мокши
и время формирования переселенческих очагов в Красноярском крае
и Республике Хакасия (по устным источникам 2009, 2012 гг.)
Moksha autochthonous areas and the period of formation of resettlement centers
in the Krasnoyarsk region and the Republic of Khakassia
(according to oral sources of 2009 and 2012)

Республика Мордовия		Годы переселения	Красноярский край и Республика Хакасия	
район	село		село	район
Ельниковский	Каньгуши	1940–1941	Краснопожье	Алтайский (Республика Хакасия)
	Мордовские Пошаты	1936		
		Новодевичье	1938	Б. Ничка
	Старые Пичингуши	1936		
	1960-е			
Ковылкинский	Парапино, Барки, Вечкенино	1962–1972	Жерлык	
Зубово- Полянский	Покровские Селищи	1961–1964		
	Калиновка (Голышовка)	1953–1973	В. Коя	
			1924, 1961	Подсинее
		[«тамбовские»]	1920-е	Идринское, Б. Телек, Б. Салба
	Крюковка	1963	В. Кужебар	Каратузский
Краснослобод- ский	Тустатово	[1880-е] 1930-е	Алексеевка / Н. Кужебар	

Далее проводится описание фольклорных текстов сибирского бытования на сюжетно-тематическом и частично музыкально-стилевым уровнях в контексте автохтонных региональных традиций⁴.

³ Мокшанское население Красноярского края и Республики Хакасия сформировалось из представителей Ельниковского, Краснослободского и Ковылкинского районов Мордовии, расположенных по течению реки Мокша, в которых преимущественно проживают носители центрального диалекта мокшанского языка; и Зубово-Полянского района, где разговаривают на западном диалекте мокшанского языка.

⁴ Расшифровка национальных текстов архивных источников, фрагменты которых представлены в статье, и перевод на русский язык выполнены И. В. Зубовым.

Колядные песни

Приуроченные жанры представлены колядными песнями, зафиксированными от зубово-полянских переселенцев, проживающих в Каратузском (В. Кужебар), Минусинском (В. Коя, Жерлык) районах Красноярского края и Алтайском районе Республики Хакасия (Подсинее). Для всех записанных сибирских вариантов колядных песен характерен зачин «Тауси, тауси» (Уси, тавуси)⁵.

Тауси, тауси!	Тауси, тауси!
Сталдат бритоусый.	Солдат бритоусый.
Талалай, балалай,	Таталай, балалай,
Щакай, шачфт Николай!	Тетя, роди Николая!
Аф Николай – Проса,	Не Николая – Прасковью,
Пештенетне коса?	Орешки где?

Зап. в 2012 г. в с. Подсинее Алтайского р-на Республики Хакасия от Е. А. Ивакиной, 1932 г. р.

Подобный зачин характерен для мокшанской региональной традиции Зубово-Полянского района Мордовии, о чем свидетельствуют опубликованные⁶ и аудиоматериалы, хранящиеся в Научном архиве НИИГН.

Уси, тавуси!	Уси, тавуси!
Тылалай, тылалай,	Тылалай, тылалай,
Щакай, шачфт Николай!	Тетя, роди Николая!
Аф Николай – Проса,	Не Николая – Прасковью,
Пештенятне коса?	Орешки где?
Лапаняса, сяканяса,	На полочке, в горшочке,
Тийнек лифть шаваняса!	Нам вынеси в чашке!
К(ы)д аф лифтят пештенят,	Если не вынесешь орешков,
Коняйт шамдан эськанят!	В лоб забью гвоздики!

Зап. в 1980 г. в с. Уголок Зубово-Полянского района МАССР от А. М. Шишкиной 1921 г. р.⁷

У мордвы-мокши Красноярского края и Республики Хакасия сохранился акциональный и атрибутивный ряд исполнения колядных песен⁸. В текстах колядных песен встречается мотив благопожелания деторождения (роди Николая), мотив требования «колядного дара» (орешки давайте) и мотив шуточных угроз, если хозяева не вынесут ритуальное угощение (тебе в лоб вобьем гвоздики). Обход дворов также мог сопровождаться ритуальными бесчинствами колядующих (ворота закладывали брёвнами, сани вытаскивали на дорогу, где также жгли солому),

⁵ Вариант колядки, зап. в с. В. Кужебар Каратузского р-на Красноярского края, состоящий из 21 строки, см. [Шахов, 2020, с. 349–350].

⁶ Вариант колядки с. Ачадово Зубово-Полянского района предваряется комментарием с указанием обстоятельства исполнения: «Зимой есть праздник, который называется “Орешкин день” (“Пештенянь ши”). Еще на рассвете <...> уже слышны детские поющие голоса» (УПТМН:8, 1978, № 245, с. 122–123).

⁷ Научный архив НИИГН, аудиофонд, Ф-1980.164. Зубово-Полянский район Мордовской АССР (с. Уголок, с. Жуковка); участники экспедиции: Н. И. Бояркин, В. И. Ромашкин.

⁸ В Сибири колядные песни исполнялись детьми в сенях за дверьми или на улице за окном, в ответ хозяева угощали детей орешками ‘пештенят’, изготовленными из теста [Шахов, 2020, с. 102–104].

что могло характеризовать их как представителей «того мира». Угощение обрядовой пищей (орешки из теста ‘пештенят’) сакральных гостей, по всей видимости, выполнялось для обеспечения благополучия, сохранности семьи и домашнего хозяйства.

Характерный зачин «Уси, тавуси» («Тауси, тауси»), мотивы благопожелания, требования подарка и шуточные угрозы, а также скандированная манера исполнения образуют общность сибирских и поволжских вариантов, что свидетельствует о высокой степени сохранности переселенческой традиции в жанре колядных песен.

Круговые песни

В фольклорном репертуаре мокшанских переселенцев Красноярского края значимое место занимают круговые песни, которые исследователи относят к не-обрядовым приуроченным песням, исполнявшимся по преимуществу на вечерних молодежных гуляниях (на поляне), а также в качестве неприуроченных лирических песен (ПМНМИ:1, 1981, с. 22). Национальный термин *кужень морот*, обозначающий жанр круговых песен, на территории Красноярского края не зафиксирован.

В Минусинском районе Красноярского края от представительницы ковылкинской региональной традиции⁹ зафиксирована круговая песня «Ох, хоть и шачень, удалань», первая строфа тирадной композиции которой приведена ниже:

Ох, хоть и шачень, удалань,
Вири акша келунякс, ох,
Келуть алу, ой, пангонякс, ох,
Келуть алу пангонякс, ох,
Чистай тиньгень лангонякс.

Ох, хоть и родился, удался,
В лесу под белой березкой, ох,
Под березой, ой, грибочком, ох,
Под березой грибочком, ох,
На чистой поляночке.

Зап. в 2009 г. в с. Жерлык Минусинского района Красноярского края от В. Ф. Конновой, 1952 г. р.

Песня с сюжетом про грибочек, который вырос под березой и был сорван молодым парнем, широко распространена на автохтонной территории и относится исследователями к *ходовым круговым песням* [Бояркин, 1983, с. 65]. Опубликованные поволжские варианты записаны в селах Инсарского (МНП:1957, с. 26; УПТМН:2, 1965, № 80, с. 113–114), Рузаевского (УПТМН:2, 1965, № 81, с. 114–116) и Ковылкинского (с. Мамолаево, с. Алькино (ПМНМИ:1, 1981, № 117–118, с. 264–270) и с. Ежовка (МНП:1969, № 57, с. 128)) районов Мордовской АССР. При сравнении сибирского варианта песни с поволжскими, помимо общности тематики, заметно единство стихового размера (4 + 3) и слогоритмической формы напева, а также общность мелодических каденций, объединяющая минусинский и ковылкинский (с. Ежовка) песенные варианты.

В Сибири, как и на территории Поволжья, широко распространены круговые песни, относящиеся к *гибридному стилевому виду* [Шахов, 2012], которые определяются по наличию заимствованного напева русских, украинских хороводных песен и двухчастной структуры строфы с ритмическим контрастом (АА₁ / ВВ), включающим разные типы ритмики (цезурированную и сегментированную), при

⁹ Исполнительница песни В. Ф. Коннова урожд. с. Парапино Ковылкинского р-на Мордовской АССР, проживает в Сибири с 1972 г.

этом вторая половина мелострофы чаще всего сопровождается различными элементами танцевальной пластики (прихлопы, притопы). Н. Е. Булычева предложила классификацию заимствованных мордвой русских хороводных песен по типу напевов [2003, с. 86–89], два из которых зафиксированы в мокшанских селах Красноярского края: тип «Вдоль по морю» и тип «На горушке, на горе».

Тип «Вдоль по морю» распространен на территории Поволжья в репертуаре мордвы-мокши и эрзи на русском языке, а также в вольном переводе и в более самостоятельном виде на мокшанском языке [Там же, с. 86]. В частности к этому типу относится мокшанская песня «Панень стада» (Гнала я стадо) (ПМНМИ:1, 1981, № 120, с. 276–280), также известная как «Корхтань сокол» (Говорил тебе, сокол) (МНП:1957, с. 66–67), «Вярьде панихть» (Сверху гонят) (МНП:1969, № 24, с. 68–69).

В селах Красноярского края песня фиксировалась с инципитом «Панень стада» от ельниковских переселенцев Минусинского района (Б. Ничка) и от краснослободских переселенцев Каратузского района (Н. Кужебар). Сибирские записи представляют собой варианты известной мокшанской песни. Четырехстрочная поэтическая строфа построена с помощью повтора начальной четырехслоговой группы в первой половине строфы (а / а), а затем всего стиха во второй половине строфы (ав / ав), при этом меняется счетная доля, а ритм напева типа «камаринской» совмещается с 11-слоговым трехударным тоническим стихом (2.3.3.).

Панень стада	Гнала я стадо,
Панень стада	Гнала я стадо,
Панень стада акша-валдо мацинят,	Гнала я стадо светло-белых гусей,
Панень стада акша-валдо мацинят.	Гнала я стадо светло-белых гусей.

Зап. в 2009 г. в с. Н. Кужебар Каратузского р-на Красноярского края от А. И. Подсадниковой, 1931 г. р.

В Красноярском крае от зубово-полянских переселенцев Минусинского района (с. В. Коя) зафиксирована песня с другим сюжетом – «Стяк, акликай» (Вставай, золовушка), которая исполняется в такой же слоговой музыкально-ритмической форме.

Стяк, акликай,	Вставай, золовушка,
Стяк, акликай,	Вставай, золовушка,
Стяк, акликай, пиже куярн путома,	Вставай, золовушка, зеленые огурцы садить,
Стяк, акликай, пиже куярн путома.	Вставай, золовушка, зеленые огурцы садить.

Зап. в 2009 г. в с. В. Коя Минусинского р-на Красноярского края от Т. Д. Вашлаевой, 1938 г. р.

Текстовый вариант шуточного сюжета данной песни встречается в Поволжье у мордвы-мокши Ковылкинского р-на (с. Волгапино) «Стяка, стяка, Аринушка» (Вставай-ка, вставай-ка, Аринушка), но композиция строфы поволжского варианта двустрочная с выделенным запевом без ритмического контраста (МНП:1969, № 74, с. 154–155)¹⁰. По музыкально-стилевым параметрам минусинский вариант песни «Стяк, акликай» относится к гибридному стилевому виду круговых песен

¹⁰ Поэтический текст с таким сюжетом на эрзя-мордовском языке «Куяронь путома» (Посадка огурцов) представлен в сибирской коллекции И. С. Поздеева (зап. в 1942 г. в Норильске Красноярского края) (УПТМН:9, 1982, № 88, с. 193–198).

с ритмическим контрастом (тип «Вдоль по морю»), но если варианты песни «Панень стада» являются вольными переводами русской хороводной песни, то в минусинском варианте песни «Стяк, акликай» заимствована только слоговая музыкально-ритмическая форма.

Тип «На горушке, на горе» распространен в эрзянских и мокшанских фольклорных традициях (как в Мордовии, так и в Сибири) только в виде заимствования ладо-интонационных элементов и формы слогового ритма (сама песня на русском и в переводе на мордовский язык не встречается). К данному типу относится популярнейшая мокшанская песня «Луганяса келунясь» 'На лугу березонька'. В Красноярском крае зафиксировано четыре варианта этой песни от представителей зубово-полянской (В. Кужебар, Каратузский р-н; В. Коя, Минусинский р-н), ковылкинской (Жерлык, Минусинский р-н) и ельниковской (Б. Ничка, Минусинский р-н) региональных мокшанских традиций. В композиционном отношении все песенные варианты имеют строфическую четырехстрочную структуру с рефреном (а в / а в / R в / R₁ в), основной стих 4 + 3. Рефренные слова имеют некоторые фонетические отличия:

R	Точь-мочь, командир...	Точь-мочь, кумандир...
R ₁	Вишке кома, командир...	Вишке кума, кумандир...
	(Б. Ничка, Жерлык)	(В. Кужебар, В. Коя)

Песенный сюжет красноярских вариантов песни можно разделить на три блока: 1) описание места; 2) описание девушки; 3) диалог парня с березой¹¹. Первый сюжетный элемент с описанием места, в котором используется прием ступенчатого сужения образа, идентичен во всех вариантах¹². Второй сюжетный блок с описанием девушки, который предваряется вопросительной строкой¹³, имеет сходства и некоторые отличия¹⁴; в одном из вариантов имеется описание рукоделья девушки (ниже приведены варианты основного стиха):

Акша пале лангсанза.	Парьхци пале лангсынза.	Покай кемат пильксанза.
Покай кемат пильгсанза.	Покай кемьт пильгсынза.	Акша пале лангсанза.
Мазы руце прясанза.	Акша тевняц эльсынза.	Палы фата прясанза.
	(Б. Ничка) Сиень салмоксь кядьсынза.	(В. Коя)
	Льнянай сюре песынза.	
Белое платье на ней.	(Жерлык)	Стучащие сапоги на ногах.
Стучащие сапоги на ногах.		Белый платок на ней.
Красивый платок на голове.	Парчовый платок на ней.	Яркая фата на голове.
	Стучащие сапоги на ногах.	
	Белое рукоделье на коленях.	
	Серебряная игла в руках.	
	Льняная нитка в ее конце.	

¹¹ Песенный вариант В. Кужебара состоит только из первого сюжетного блока (описание места); два варианта (Б. Ничка, Жерлык) включают первый и второй сюжетные блоки (описание места и девушки); песенный вариант В. Коя включает все три сюжетных элемента.

¹² На лугу березка, под березкой ровное местечко, на ровном месте / рядом с ровным местом скамеечка, скамеечка вымыта-вытерта, на скамейке гостя-девушка / красивая девушка.

¹³ Что на ней, на ногах? (Б. Ничка, Жерлык) / Что на ней, на голове? (В. Коя).

¹⁴ Во всех вариантах на ногах девушки «стучащие сапоги» (*покай кемат*); на ней белое платье (Б. Ничка) / парчовый (Жерлык) / белый (В. Коя) платок; на голове красивый платок (Б. Ничка) / яркая фата (В. Коя).

Третий сюжетный блок состоит из обращения парня к березе и ее ответа¹⁵. В поволжских вариантах песни описание рукоделья встречается как в эрзянской (с. Гузынцы Чамзинского р-на) (УПТМН:2, 1965, № 162, с. 238–239), так и в мокшанской (с. Сарга Ст.-Шайговского р-на) (МНП:1957, с. 44–45) версиях песни. В последнем также имеется сюжетный элемент диалога парня с березой¹⁶.

Лирические песни

В Красноярском крае записано несколько образцов песни про эрзянскую Поленьку – один вариант в Каратузском районе (Н. Кужебар), три варианта в селах Минусинского района (Б. Ничка, Жерлык, В. Коя). Все минусинские образцы интонируются на общий напев, имеющий сходство с опубликованным вариантом Ельниковского р-на Мордовии (ПМНМИ:2, 1984, № 27а, с. 135). Каратузский вариант песни отличается напевом, а также наличием зачина «Дайте морасаськ»¹⁷.

1. Дайте морасаськ конань ёрасаськ,
Дайте морасаськ эрзянь Поленеть.	1. Давайте споем о ком хотим,
Давайте споем [об] эрзянской Поленьке.
2. Дайте морасаськ эрзянь Поленеть,
Сапоньц апак штак, акша шаманеть.	2. Давайте споем [об] эрзянской Поленьке.
Мылом не мытое, личико белое.
3. Сапоньц апак штак, акша шаманеть,
Краскас апак ватть, якстерь щёканеть.	3. Мылом не мытое, личико белое,
Краской не покрашены, щеки красные.
4. Краскас апак ватть, якстерь щёканесь,
Экса апак ижтьфт, курдяв усманесь.	4. Краской не покрашены, щеки красные,
Гвоздем не гретье, кудрявые локоны.
- Зап. в 2009 г. в с. Н. Кужебар Каратузского р-на Красноярского края от А. И. Подсадниковой, 1930 г. р.

Поволжские поэтические тексты песни об эрзянской Поленьке по сравнению с красноярскими записями выглядят более полными¹⁸. Обобщенная сюжетная линия (на основе варианта (ПМНМИ:2, № 27, с. 131–134)) состоит из нескольких разделов: *описание девушки* (без мыла чистое личико, без румян красные щеки, маслом не помазаны кудрявые локоны), *места ее нахождения* (в новом доме отца, у стола, в красном углу), *процесса одевания* (белая рубашечка, красная фата, саратовские чулочки, черные сапожки), *указание ее намерений* (взяла берестяную корзиночку, собралась в лес за ягодами), *встреча с парнем* (молодой парень на тройке лошадей увидел Полину – замуж взял, женой назвал).

Если каратузский вариант текста, записанный от представительницы краснослободской поволжской традиции, включает только портретную характеристику персонажа, то другие сюжетные звенья нашли отражение в песенных образцах, зафиксированных в Минусинском районе от представителей разных «материнских» регионов: а) *сборы девушки в доме отца* – с. Жерлык (ковылкинские переселенцы), с. Б. Ничка (ельниковские переселенцы); б) *отправление девушки в лес за ягодой и встреча с парнем* – с. В. Коя (зубово-полянские переселенцы).

¹⁵ – Береза, отдай твою гостью! – Сначала посчитай мои веточки, потом посчитай мои листочки, потом отдам свою гостью.

¹⁶ – Измерь мою толщину / высоту; сосчитай мои ветки / листья; не отдам тебе мою гостью.

¹⁷ В Поволжье с подобным зачином известен опубликованный вариант, записанный в Темниковском р-не МАССР (УПТМН:2, 1965, № 175, с. 251–253).

¹⁸ В песне поется о девушке, которая наряжается в доме отца и направляется в лес за ягодой, где ее встречает парень и берет замуж.

От представительницы краснослободской региональной традиции записана лирическая песня «Ой, лугат, лугат» (Ой, луга, луга), состоящая из пяти строф.

1. Ой, лугат, лугат, сеньгере лугат,
Лугась пек оцю, речкась пек кили.	1. Ой, луга, луга, зеленые луга,
Луг очень большой, речка очень
широкая.
2. Лугась пек оцю, речкась пек кили,
Речкась пек кили, видяц пек кельме.	2. Луг очень большой, речка очень
широкая,
Речка очень широкая, вода ее очень
холодная.
3. Речкась пек кили, видяц пек кельме,
Лугава якaihть кафт стирьхть, од цёрат.	3. Речка очень широкая, вода ее очень
холодная,
По лугу ходят две девушки, молодые
парни ¹⁹ .
4. Лугава якaihть кафт стирьхть, од цёрат,
Синь мильгаст ардыхть борзой пинесна.	4. По лугу ходят две девушки, молодые
парни,
За ними бегут борзые собаки.
5. Синь мильгаст арды[хть] борзой
пинесна,
Синь плеча лангсост ружэнясна.	5. За ними бегут борзые собаки,
У них на плечах ружьи.
- Зап. в 2009 г. в с. Н. Кужебар Каратузского р-на Красноярского края от
А. И. Подсадниковой, 1930 г. р.

В сибирском тексте элементы сюжета, связанные с описанием пространства (зеленые луга, большой луг, широкая река, холодная вода) и персонально-атрибутивной номинацией (молодые парни, борзая собака, ружье), предположительно, могут являться вариантами сюжетных звеньев традиционного песенного цикла «парень и змей», к которому относятся песни, построенные на эпизоде встречи охотника / охотников со змеем / драконом, умоляющем спасти его – вытащить из воды (УПТМН:1, 1963, с. 384).

Приведем обобщенную сюжетную схему поволжских вариантов, составленную по опубликованным источникам²⁰ (полужирным шрифтом выделены элементы, нашедшие отражение в сибирском песенном тексте): 1) городищенское **поле**, в поле бугорок, над ним огонек, под ним **вода течет / ручей бежит**, в реке плачут змееныши / змей / великий змей / водяной змей; 2) **по полю идут два парня, на плечах ружья** / сабли, на груди патронташи / в поясах заряды, **за ними борзые / собаки**, над ними соколы; 3) парень / охотник протянул ружье / вытащил – змей растерзал / высосал кровь.

Несмотря на то что в сибирском каратузском варианте текста отсутствует сюжетобразующая фигура плачущего змея, другие сюжетные элементы позволяют выстроить параллели с автохтонной фольклорной традицией и предположить бытование этого сюжета на территории Сибири.

От зубово-полянских переселенцев Минусинского района (В. Коя) записана песня «Алдась, Алданесь» (Авдотья, Авдотьюшка) с сюжетом о девушке, которую парень не берет замуж (так как она маленького роста, без приданого).

¹⁹ Перевод этой строки исполнительницей: «По лугу ходят двое – девушка и молодой парень».

²⁰ Мокшанские песни «Ош пакся» (Городищенское поле) (УПТМН:1, 1963, № 36, с. 164–166), (Городище) (ПМНМИ:2, 1984, № 10–11, с. 70–74), «Пакся» (Поле) (МНП:1957, с. 90–91).

1. Алдась, Алданесь, Алдась аварди, ох,
Сазань паксяса паксянь грубьёжса.
2. Паксянь грубьёжса, горьфац кулеви,
Крайнай куднети, Васень Кузьмати.
1. Авдотья, Авдотьюшка, Авдотья плачет, ой,
В Сазоновском поле, на краю поля.
2. На краю поля, её горе слышится,
В крайнем домике, Васину Кузьме.

Зап. в 2009 г. в с. В. Коя Минусинского р-на Красноярского края от Т. Д. Вашлаевой, 1938 г. р. и Г.П. Филипповской, 1953 г. р.

В Поволжье известны различные региональные песенные варианты Ковылкинского (Микитань Алдась 'Никитина Авдотья' (ПМНМИ:1, 1981, № 115, с. 255–257)), Рузаевского (Никитань Алдась 'Никитина Авдотья' (Там же, № 116, с. 258–263)²¹), Темниковского (Микифор Алдась 'Никифорова Авдотья' (УПТМН:2, 1965, № 139, с. 205–206)) районов Мордовии, а также Пензенской области (Алдусь аварди 'Авдотья плачет' (УПТМН:11, 1987, № 44, с. 64–65)).

В сибирском варианте песни «Алдась, Алданесь» хорошо сохранились традиционный сюжет и поэтический текст, который, однако, интонируется на заимствованный напев поздней традиции, близкий по ритмической структуре к песне «Степь да степь кругом»²². Как минусинская мордва-мокша (В. Коя), так и другие зубово-полянские переселенцы Красноярского края (В. Кужебар Каратузского района) и Республики Хакасия (с. Подсинее Алтайского р-на) на указанный заимствованный напев поздней традиции исполняют песню с солдатской тематикой «Илькань Ягорась» (Илькин Егор).

1. Илькань Ягорась – козялень цёрась,
Вирьса беглайнесь, савсех беднайнесь.
2. Савсех беднайнесь, батяц вишняцы,
Батяцц вишняцы п(т)уста вирьняса.
1. Илькин Егор – у богача сын,
В лесу беглый, совсем бедненький.
2. Совсем бедненький, отец его ищет,
Отец его ищет в густом лесу.

Зап. в 2012 г. в с. Подсинее Алтайского р-на Республики Хакасия от Е. А. Ивакиной, 1932 г. р.

Исследователи относят эту песню (Илькань Ягорнясь 'Илькин Егор' (МНП: 1957, с. 128–129), Филянь Ягорнясь 'Филлипов Егорушка' (ПМНМИ:2, 1984, № 59, с. 262–267)) к группе песен о разлуке рекрута с семьей на тему «бегство солдата из царской армии и его встреча с отцом» (Там же, с. 8).

Таким образом, в фольклорных традициях зубово-полянских переселенцев заимствованный напев объединяет разные тексты – шуточный текст о девушке маленького роста «Алдась, Алданесь» и текст о солдатчине «Илькань Ягорась». Полевые исследования мокшанского фольклора в селах Зубово-Полянского района Республики Мордовия в 2020 г. позволили выявить соответствие сибирской и поволжской фольклорных традиций – в Мордовии (с. Калиновка), как и в Красноярском крае (с. В. Коя), песни «Алдась, Алданесь» и «Илькань Ягорнесь» исполняются на общий заимствованный напев типа «Степь да степь кругом», что свидетельствует о сохранности зубово-полянкой переселенческой традиции в Сибири.

²¹ Рузаевский вариант приводится в качестве примера плясовых круговых песен, движения которых синхронны ритму музыки [Бояркин, 1983, с. 64].

²² В Каргатском р-не Новосибирской области (д. Кольцовка) с похожим напевом поздней городской традиции в 1980 г. от русских женщин была записана песня «Сяду я за стол», с шестой строфы которой следуют слова песни «Степь да степь кругом» (АТМ НГК. А0008, п006. Зап. Н. В. Леоновой, В. Л. Ламинай и Е. В. Крупенинковой).

Сибирские варианты мокшанской песни о беглом солдате дополняет образец «Пимен Ягорнесь» (Пименов Егорушка), записанный с другим напевом от предстательницы краснослободской традиции (Н. Кужебар).

К песням о разлуке рекрута с семьей примыкает песенный образец «Втаройть Марясь» (Вторая Мария), записанный от ковылкинских переселенцев.

1. Стяй шобдава Втаройть Марясь,
Стяй шобдава – аварьди.	1. Утром встает Вторая Мария,
Утром встает – плачет.
2. Илядь мады Втаройть Марясь,
Илядь мады – кольганди.	2. Вечером ложится Вторая Мария,
Вечером ложится – слезы льет.
3. – Мес аварьдят, Втаройть Марясь?
Минь оцю горяце?	3. – Почему плачешь, Вторая Мария?
Какое у тебя большое горе?
4. – Монь горезе, Втаройть Марясь,
Монь горезе пек оцю.	4. – Мое горе, Вторая Мария,
Мое горе очень большое.
5. Онстан быта, Втаройть Марясь,
Салдадэнди нарадезь.	5. Во сне, как будто, Вторая Мария,
В солдаты побрили.

Зап. в 2009 г. в с. Жерлык Минусинского р-на Красноярского края от В. Ф. Конновой, 1952 г. р.

При сопоставлении минусинского варианта песни с поволжскими опубликованными источниками, в том числе представленными двумя разновременными записями, сделанными в с. Левжа Рузаевского р-на МАССР (в 1953 г. (МНП:1957, с. 127) и 1975 г. (ПМНМИ:2, 1984, № 54, с. 246–249)), отмечается наличие общей тематики («девушка видит сон, что ее милого отдадут в рекруты» (Там же, с. 8)), а также общей сюжетной линии с вариантами ее реализации: 1) девушка плачет, слезы льет; 2) девушку кто-то заметил²³; 3) рассказ о сне²⁴; 4) утешение девушки.

Важно, что в сибирском тексте произошла фонетическая трансформация имени девушки, повлекшая за собой изменение содержательного плана – в поволжских вариантах «Гаройть Маряц» (Герасимова Марья), в сибирском «Втаройть Марясь» (Вторая Мария). При этом сохранилась грамматическая функция имени собственного, что нашло объяснение самих носителей традиции²⁵. Кроме этого, имя девушки «Втаройть Марясь» в песенном тексте начинает выполнять функцию четырехсложного рефрена, завершающего каждую первую строку мелострофы. Поволжские и сибирский варианты песен имеют общую структуру стиха (8 + 7) и двустрочную форму строфы (в поволжских вариантах имеется выделенный запев).

Песни литературного происхождения

В Красноярском крае зафиксированы несколько вариантов песни «Идней, удак» (Дитятко, спи), бытовавшей ранее в хоровом исполнении²⁶.

²³ Девушку заметил брат / сосед; в сибирском варианте – Вторая Мария.

²⁴ В поволжском варианте «сначала побрили бороду, затем волосы», в сибирском варианте «сначала побрили правую сторону, затем левую сторону».

²⁵ В. Ф. Коннова: «В песне поется там две Маши. Две Маши друг друgaz... [z – знак словесной поправки. – *Ш. П.*], эта, свою судьбу друг другу этавают, рассказывают». П. Т. Коннов (муж песенницы): ««Втаройть» – я не знаю, видать такое имя».

²⁶ До 2005–2006 гг. в с. Б. Салба Идринского р-на Красноярского края существовал мокшанский фольклорный ансамбль «Панш» (Цветок), участники которого исполняли в том числе песню «Идней, удак».

1. Идней, удак, весь пек шовда
Кадмак моньцьке удак.
2. Ванды стейан антэ товда,
Нармонне кундан.
3. Шявнят лазндан, ёкськат аздан,
Тю-тю, лю-(у)-лю, бай.
4. Нурак идней мизе азан,
Алеце аф сай.

1. Дитятко, спи, ночь очень темная,
Оставь и меня поспать.
2. Завтра встану, накормлю тебя кашей,
Птичку поймаю.
3. Лучинок наколю, сказок расскажу,
Тю-тю, лю-(у)-лю, бай.
4. Погоди, деточка, что расскажу (поведаю),
Отец твой не придет.

Зап. в 2012 г. в с. Б. Салба Идринского р-на Красноярского края от А. А. Степановой, 1931 г. р.

В основе поэтического текста лежит авторское стихотворение «Урямнэнь мора» (Колыбельная песня), написанное известным мордовским поэтом З. Ф. Дорофеевым и опубликованное в 1925 г. в книге для чтения «Од веле» (Новая деревня)²⁷. Очевидно, что при создании стихотворения поэт использовал поэтические формулы и мотивы, характерные для традиционных мокшанских колыбельных песен²⁸. Популярность авторского стихотворения способствовала проникновению текста в фольклорную традицию, в том числе на территории Поволжья, варианты которого опубликованы в томах «Детский фольклор» (УПТМН:8, 1978, № 50, с. 49–50) и «Лирические песни» (раздел «Песни советского периода») (УПТМН:2, 1965, № 48, с. 69).

Сказка с песенной вставкой

В настоящее время единственным сибирским образцом мокшанской сказочной прозы является сказка [о женщине с железной грудью] с песенными вставками, записанная в 2009 г. от представительницы краснослободской региональной традиции А. И. Подсадниковой 1930 г. р., проживающей в Сибири с 4-летнего возраста²⁹.

Данный сюжет представлен в указателе мотивов С. Томпсона [Thompson, 1955–1958] (Е323.1.1. Мертвая мать возвращается, чтобы покормить грудью ребенка), ареалы его распространения выявлены в аналитическом каталоге фольклорно-мифологических мотивов Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина³⁰ (К49. Мертвая мать нянчит младенца), в котором мордовский этнос представлен только одной эрзянской сказкой «Кевганя», записанной и опубликованной М. Е. Евсеевым (Евсеев, 1964, № 20, с. 164–167). Мокшанская сказка с песенной вставкой с сюжетом о мертвой матери, нянчащей младенца, зафиксированная в Каратузском районе Красноярского края, при дальнейшем текстологическом исследова-

²⁷ Это стихотворение также опубликовано в авторском сборнике «Эсь моронек» «Наши песни» (М.: Центральное изд-во народов СССР, 1925, с. 24–26).

²⁸ Например, строки из междометий, составляющие часть строфы: «Тю-тю, баю, бай» (ПМНМИ:1, 1981, № 95, с. 234), «Тю-тю, лю-лю, баю, бай» (Там же, № 97, с. 236), «Тю-тю, лю-лю, баюня» (Там же, № 99, с. 238), «Тю-тю, лю-лю, лю-лю, бай» (Там же, № 101, с. 240).

²⁹ Краткое изложение сюжета: после смерти матери остался грудной ребенок, муж взял новую жену, но у нее груди железные (*потянзо иини*) и молока нет; ребенок плачет, и мать под вечер прилетает птицей через окошко, кормит ребенка и песенку поет.

³⁰ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: [https:// ruthe-nia.ru/folklore/berezkin/](https://ruthe-nia.ru/folklore/berezkin/) (дата обращения 25.04.2022).

нии и публикации может расширить варианты сюжета К49, представленного в аналитическом каталоге Березкина – Дувакина.

Выводы

На данном этапе при изучении фольклора сибирских переселенцев нам было важно выявить и по возможности установить связи с исходными поволжскими региональными традициями (зубово-полянской, ковылкинской, краснослободской и ельниковской). Сопоставительный анализ сибирско-поволжских материалов продемонстрировал общность автохтонных и переселенческих культур в разных жанрах. Так, коренную зубово-полянскую и сибирские переселенческие традиции объединяет жанр колядных песен, а также фольклор позднего формирования (песни «Алдась, Алданесь» и «Илькань Ягорась», исполняемые на один заимствованный напев типа «Степь да степь кругом»). Выявлена общность исходной ковылкинской и переселенческой традиций в жанре круговых песен («Хоть и ша-чень, удалань»).

В качестве круговых песен гибридного стилового вида (тип «Вдоль по морю») атрибутированы сибирские варианты песен «Панень стада», являющиеся вольными переводами русской хороводной песни, а также песня «Стяк, акликай», в которой заимствована только слоговая музыкально-ритмическая форма.

Полидиалектный состав сибирских переселенцев исследуемого ареала отразился в песенном репертуаре – значимое место занимают круговые и лирические песни, широко распространенные в Мордовии среди различных этнотерриториальных групп мордвы-мокши («Луганяса келунясь», «Панень стада», «Эрзянь Полюнясь»). Однако имеются отдельные сибирские исполнительницы, в репертуаре которых сохраняются черты локальной специфики исходных фольклорных традиций.

Поэтические тексты некоторых сибирских вариантов мокшанских песен по сравнению с автохтонными представлены отдельными разделами сюжетных композиций с преобладанием экспозиционности («Ой, лугат, лугат», «Эрзянь Полюнясь»). Это свидетельствует об угасании переселенческих традиций и о трансформационных процессах, характерных в целом для устной песенной культуры.

В дальнейшем следует детально рассмотреть музыкально-стилевой аспект описания локальных фольклорных традиций исследуемых ареалов сибирского и поволжского бытования.

Список литературы

Бояркин Н. И. Мордовское народное музыкальное искусство / Науч. ред. Е. В. Гиппиус. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1983. 184 с.

Булычева Н. Е. Фольклор и фольклоризм периода формирования профессиональных традиций (на материале мордовской музыки) / Под ред. Л. Б. Бояркиной. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2003. 240 с.

Лапин В. А. О некоторых проблемах исторической динамики локальных традиций // III Всероссийский конгресс фольклористов: Москва, 3–7 февраля 2014 г.: Сб. науч. ст.: В 5 т. М., 2017. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики. С. 61–65.

Леонова Н. В. Сибирские календарные напевы в контексте европейско-русских вариантов // Вопросы музыкознания: Сб. ст. Новосибирск, 1999. С. 179–189.

Леонова Н. В. Музыкальный фольклор сибирских переселенцев как региональная традиция // Народная культура Сибири: Материалы X Науч.-практ. семинара Сиб. РВЦ по фольклору. Омск: Амфора, 2001. С. 35–40.

Леонова Н. В., Шахов П. С. Музыкальный фольклор мордвы-мокши Красноярского края (по полевым исследованиям 2009 г. в Минусинском и Каратузском районах) // Мартыановские краеведческие чтения (2008–2009 гг.): Минусинск, 13–15 декабря 2010 года: Сб. докладов и сообщений. Минусинск, 2010. С. 145–147.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.

Шахов П. С. Мордовские круговые песни Сибири гибридного стиливого вида // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4 (24). С. 195–207.

Шахов П. С. Эрзянские и мокшанские фольклорные традиции сибирского бытования: свадьба, календарь, круговые песни / Отв. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Академиздат, 2020. 388 с.

Thompson S. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged. edition. Bloomington: Indiana Uni. Press, 1955–1958. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/thompson/index.htm> (дата обращения 25.04.2022)

Список источников

Евсеев М. Е. Мордовские народные сказки и загадки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964. 412 с. (Избр. тр. в пяти томах. Т. 3).

МНП:1957 – Мордовские народные песни / Сост. Г. И. Сураев-Королев, Л. С. Кавтаськин; вступ. ст. Л. С. Кавтаськина; ред. В. М. Беляев. М.: Гос. муз. изд-во, 1957. 164 с.

МНП:1969 – Мордовские народные песни / Сост., муз. ред. и авт. предисл. Г. И. Сураев-Королев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 342 с.

ПМНМИ:1 – Памятники мордовского народного музыкального искусства: В 3 т. / Сост. Н. И. Бояркин, под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. Т. 1: Мокшанские приуроченные песни и плачи междуречья Мокши и Инсара. 292 с.

ПМНМИ:2 – Памятники мордовского народного музыкального искусства: В 3 т. / Сост. Н. И. Бояркин, под ред. Е. В. Гиппиуса. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1984. Т. 2: Мокшанские неприуроченные долгие песни междуречья Мокши и Инсара. 320 с.

УПТМН:1 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1963. Т. 1, кн. 1. Эпические и лиро-эпические песни. 399 с.

УПТМН:2 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Сост. Л. С. Кавтаськин. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. Т. 2: Лирические песни. 372 с.

УПТМН:8 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Сост., подстрочные пер., предисл. и коммент. Э. Н. Таракиной. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1978. Т. 8: Детский фольклор. 300 с.

УПТМН:9 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа / Сост. И. Сибиряк. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1982. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. 332 с.

УПТМН:11 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. Т. 11: Народные песни мордвы Пензенской области. 199 с.

References

- Boyarkin N. I. *Mordovskoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo* [Mordovian folk music]. E. V. Gippius (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1983, 184 p.
- Bulycheva N. E. *Fol'klor i fol'klorizm perioda formirovaniya professional'nykh traditsiy (na materiale mordovskoy muzyki)* [Folklore and folklorism of the period of formation of professional traditions (based on the material of Mordovian music)]. L. B. Boyarkina (Ed.). Saransk, MSU Publ., 2003, 240 p.
- Lapin V. A. O nekotorykh problemakh istoricheskoy dinamiki lokal'nykh traditsiy [About some problems of historical dynamics of local traditions]. In: *III Vserossiyskiy kongress fol'kloristov: sbornik statey* [All-Russian Congress of Folklorists: Collection of articles]. Moscow, 2017, vol. 1: *Aktual'nye problemy rossiyskoy fol'kloristiki* [Actual problems of Russian folklore studies], pp. 61–65.
- Leonova N. V. Muzykal'nyy fol'klor sibirskikh pereselentsev kak regional'naya traditsiya [Musical folklore of Siberian settlers as a regional tradition]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy X nauch.-prakt. sem.* [Folk culture of Siberia: materials of the 10th sci.-pract. sem.]. Omsk, Amfora, 2001, pp. 35–40.
- Leonova N. V., Shakhov P. S. Muzykal'nyy fol'klor mordvy-mokshi Krasnoyarskogo kraya (po polevym issledovaniyam 2009 g. v Minusinskom i Karatuzskom rayonakh) [Musical folklore of the Mordovian-Moksha of the Krasnoyarsk region (based on field research in 2009 in the Minusinsk and Karatuz districts)]. In: *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2008–2009 gg.). Sb. dokladov i soobshcheniy* [Martianovsky local history readings (2008–2009). Coll. of reports and presentations]. Minusinsk, 2010, pp. 145–147.
- Shakhov P. S. Mordovskie krugovye pesni Sibiri gibridnogo stilevogo vida [Mordovian circular songs of Siberia of hybrid style type]. *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 2012, no. 4 (24), pp. 195–207.
- Shakhov P. S. *Erzyanskie i mokshanskije fol'klornye traditsii sibirskogo bytovaniya: svad'ba, kalendar', krugovye pesni* [Erzya and Moksha folklore traditions of Siberian existence: wedding, calendar, circular songs]. N. V. Leonova (Ed.). Novosibirsk, Akademizdat, 2020, 388 p.
- Thompson S. *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*. Rev. and enl. ed. Bloomington, Indiana Uni. Press, 1955–1958. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/thompson/index.htm> (accessed: 25.04.2022).

List of sources

- Evsev'ev M. E. *Mordovskie narodnye skazki i zagadki* [Mordovian folk tales and riddles]. Saransk, Mordov. kn. izd., 1964, 412 p. (Izbr. tr. v pyati tomakh [Selected works in five volumes]. Vol. 3).
- Mordovskie narodnye pesni* [Mordovian folk songs]. G. I. Suraev-Korolev, L. S. Kavtas'kin (Comps), L. S. Kavtas'kin (Intr. art.), V. M. Belyaev (Ed.). Moscow, Gos. muz. izd, 1957, 164 p.
- Mordovskie narodnye pesni* [Mordovian folk songs]. G. I. Suraev-Korolev (Comp., Ed., Intr. art.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1969, 342 p.
- Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva: V 3 t.* [Monuments of Mordovian folklore music: In 3 vols]. N. I. Boyarkin (Comp.), E. V. Gippius (Ed.). Sa-

ransk, Mordov. kn. izd., 1981, vol. 1: *Mokshanskiye priurochennyye pesni i plachi mezhdurech'ya Mokshi i Insara vols* [Mokshan timed songs and weeping of the country between two rivers Moksha and Insar]. 292 p.

Pamyatniki mordovskogo narodnogo muzykal'nogo iskusstva: V 3 t. [Monuments of Mordovian folklore music: In 3 vols]. N. I. Boyarkin (Comp.), E. V. Gippius (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1981, vol. 2. *Mokshanskije nepriurochennyye dolgie pesni mezhdurech'ya Mokshi i Insara* [Moksha not timed long songs of the country between two rivers Moksha and Insar]. 320 p.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Saransk, Mord. kn. izd., 1963, vol. 1, pt. 1 *Epicheskie i liricheskie pesni* [Epic and lyric-epic songs]. 399 p.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Saransk, Mord. kn. izd., 1965, vol. 2. *Liricheskie pesni* [Lyric songs]. 372 p.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Saransk, Mord. kn. izd., 1978, vol. 8. *Detskiy fol'klor* [Children's folklore]. 300 p.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Saransk, Mord. kn. izd., 1982, vol. 9. *Mordovskie narodnye pesni Zavolzh'ya i Sibiri* [Mordovian folk songs of the Trans-Volga and Siberia]. 332 p.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Saransk, Mord. kn. izd., 1987, vol. 11. *Narodnye pesni mordvy Penzenskoy oblasti* [Folk songs of the Mordovians of the Penza region]. 199 p.

Информация об авторах

Павел Сергеевич Шахов, кандидат искусствоведения

Игорь Васильевич Зубов, кандидат философских наук

Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения, профессор

Information about the authors

Pavel S. Shakhov, Candidate of Art Criticism

Igor V. Zubov, Candidate of Philosophy

Natalya V. Leonova, Candidate of Art Criticism, Professor

Статья поступила в редакцию 30.04.2022;

одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 29.05.2022

The article was submitted 30.04.2022;

approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 29.05.2022